

Общие вопросы истории и философии науки

ПОНЯТИЕ «ПРИРОДА» И ПРОБЛЕМА СОЛИДАРНОСТИ В ФИЛОСОФИИ Т. ГОББСА И ДЖ. ЛОККА

Д.Р. Яворский

В статье реконструируется совершенный в британской философии XVII–XVIII вв. переход от теологической символики единства к натуралистической выявляется его своеобразие в сравнении с континентальной философией и показано, как в свете проблемы солидарности трансформировалось содержание понятия «природа» в трудах Т. Гоббса и Дж. Локка.

Ключевые слова: природа, солидарность, британская философия, Гоббс, Локк

Политическая смута в Англии второй половины XVII в., вызванная целым комплексом религиозных, политических, экономических и социальных причин, поставила перед интеллектуалами вопрос об основаниях общественного согласия и порядка. Мир, который рушился на глазах, ранее опирался на теологический дискурс, однако именно религиозные разногласия лежали на поверхности социальных конфликтов и тем самым дискредитировали интеграционный потенциал религиозной символики. Поэтому искомые основания должны были быть выражены иными символическими средствами. Их поиск составляет значительную часть философского труда ведущих представителей британской интеллектуальной традиции, не только сформулировавших фундаментальные социальные и политические идеи своей эпохи, но и обеспечивших переход от теологического дискурса в объяснении оснований общественной солидарности к новому натуралистическому.

Королевская реформация, отделившая английскую (англиканскую) церковь от католической, не только запустила машину конфликта между сторонниками папской и королевской церкви. Конфессиональная жизнь страны усложнилась с появлением многочисленных приверженцев каль-

© Яворский Д.Р., 2013

винизма – пуритан, образовавших самостоятельные конгрегации и общины, которые враждовали и с католиками, и с англиканами, и друг с другом. Эта религиозная смута раскрыла весь свой внутренний конфликтный потенциал в период Английской буржуазной революции 1640–1688 гг. Общность веры была бесповоротно утрачена и сменилась изнурительным, а в некоторых случаях и безысходным религиозным противостоянием.

Именно в этой ситуации предпринимается своеобразный интеллектуальный эксперимент – попытка прорваться к самой социальной ткани, к непосредственности межличностных интеракций, сумма которых давала бы в итоге социальное тело. Так возникает идея «общественного договора». В сущности, это первая попытка обойтись без символического посредничества религиозной символики, т.е. без констатаций наличия единой сотворенной Богом человеческой природы, божественного промысла, связывающего людей, первородного греха, разделяющего их, искупительной смерти Христа, преодолевающей разрушительные эффекты испорченной грехом человеческой природы.

Однако «общественный договор» как прямое социальное действие нельзя было обнаружить в исторической реальности, и в этом смысле он оказался не менее мифичен, чем архаические космогонии, описывающие время творения, к которому вернуться уже нельзя. Поэтому в поле зрения теоретиков общественных отношений возвращаются символические посредники, способные, как может показаться, вывести к скрытым основаниям социального единства: английские философы, подобно мыслителям континентальной Европы, обращаются к символу «природа» и к его понятийному и образному наполнению.

Прежде всего в фокусе их внимания оказываются понятие *человеческой природы*, в котором кроется совокупность универсальных, т.е. присущих всем, свойств человека, и понятие *естественного закона*, под которым разумеется всеобщий регулятор межчеловеческих отношений. К ним обращается Т. Гоббс в раннем философском трактате «Человеческая природа». При этом философ не скрывает социально-политический подтекст своих изысканий: по его собственному признанию, цель трактата – выведение таких философских принципов, которыми могли бы руководствоваться монархи в отношениях друг с другом и со своими подданными, дабы мир и порядок строились не на страхе, а на добровольно принятых разумных основаниях [1].

Понятие человеческой природы, которое включает в себя, согласно Гоббсу, представления о наиболее общих способностях человека – питании, движении, размножении, чувстве, разуме [2], является базовым для

этих принципов. Однако формулировка «человеческой природы» у Гоббса не отличается определенностью (философ оставляет отрывком ряд «способностей», присущих «природе» человека: «способность питаться, двигаться, размножаться, чувство, разум и т.д.» [3]), она лишь призвана подвести к убеждению в том, что эта «природа» константна и во времени, и в пространстве, что делает ее более эффективной основой интеграции, чем разнообразные религиозные верования и доктрины [4].

Утверждая о единстве человеческой природы, Гоббс, конечно же, следует в русле христианской антропологии. Однако констатация этого единства считалась недостаточной для характеристики положения человека в мире, ведь люди совместно приобщены не только к дарам, но и к дефектам природы, вызванным первородным грехом. Поэтому в стремлении к идеалу, как духовному, так и социальному, нужно было апеллировать не к наличной природе, а к *преобразенной*. Но само преобразование природы, как считалось, возможно только благодаря божественному вмешательству, которое реализуется, согласно христианскому вероучению, в церкви через участие в ее литургической жизни. Поэтому общечеловеческое единство возможно только как «единство во Христе», где «нет ни эллина, ни иудея». Но что делать, если единство во Христе не только не приближается к реализации, но и понимается по-разному? Что делать, если различие в понимании этого единства разобщает людей?

Поиски ответа на этот вопрос были осложнены тем, что Гоббс не мог в одночасье порвать с теистическим дискурсом и бесповоротно перейти к натуралистическому. Поэтому он вынужден прибегать к подменам понятий. Прежде всего, он затушевывает различия между философским и теологическим пониманиями «человеческой природы», замалчивая проблему первородного греха. Тем самым философ умаляет значение божественного промысла (что вообще характерно для деизма), а соответственно, и событий «священной истории», настаивая на том, что они исключительно историчны.

Для того чтобы незаметно перейти от теистического дискурса к натуралистическому, Гоббс идет на уловку. Он признает, что порядок межчеловеческих отношений задается в конечном счете божественной волей, и разграничивает три формы ее выражения: откровение, пророчество и внушение через посредство «естественного разума». Вопрос только в том, какая из этих форм имеет всеобщий характер и, тем самым, может стать основой социальной интеграции.

Откровение, согласно Гоббсу, не может быть основанием всеобщих правил, ибо «в такой форме Бог говорит лишь отдельным людям, причем